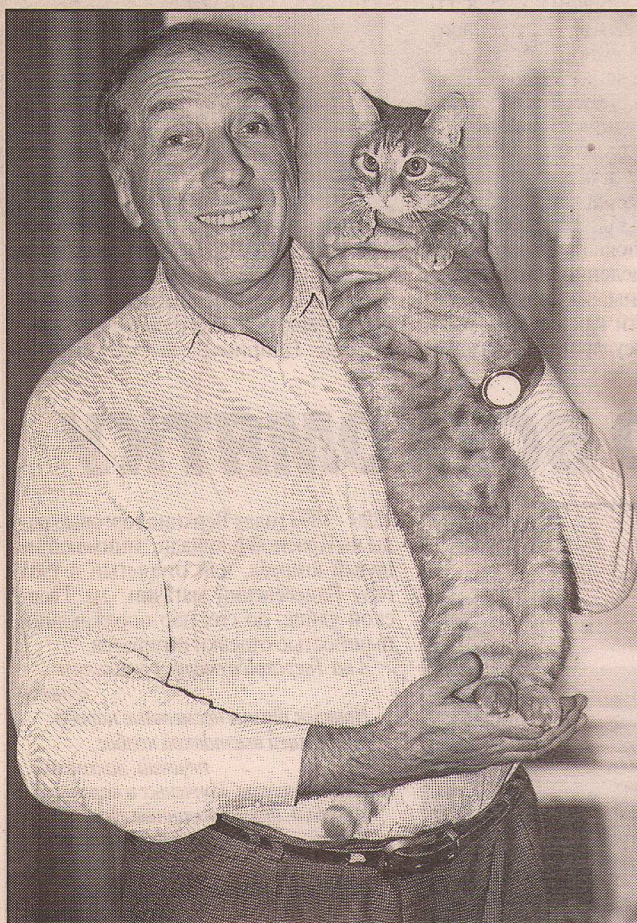

совести и будет большим подспорьем для литераторов, которые впоследствии напишут разоблачительные вещи: дескать, в своем искусстве он представлялся нам одним, а на самом деле был другим. Дальше можно рассказать о его порочных тайнах: что-то преувеличить, что-то досочинить.

Я возражаю только против одного. Если раньше говори-

одно из самых употребляемых сейчас слов - «терроризм». Эта мрачная туча, нависшая над человечеством, кажется мне признаком всеобщей варваризации. Люди стали позволять себе то, о чем еще полвека назад страшно было даже подумать. И здесь мы не можем пройти мимо проблемы террористов-смертников - людей, которые готовы по непонятным для

ирония. Потому что силой преодолеть я это не берусь. Как не берусь проповедовать: давайте сделаем так - и будет лучше. Я могу только предложить: давайте надсмеемся над этим совершеннейшим кавардаком, в котором все мы вольно или невольно участвуем.

- Как вы относитесь к современной российской драматургии?

Когда симфоническим оркестром дирижирует почти ребенок - само по себе это занятное, но тревожное зрелище. А не слишком ли маленький рост, чтобы управлять целым оркестром?

- В советские времена вы издали немало виниловых пластинок со своими чтецкими работами. Сейчас искусство чтеца востребовано?

- Востребованы живые концерты во всех городах, кроме Москвы. Столица почему-то потеряла к этому жанру былой интерес. Шесть лет назад известная радиоведущая Ольга Кулешова создала маленькую фирму, которая стала изда-

вать на компакт-дисках «звучащее слово». А то ведь слово сейчас оказалось в униженном положении. Кругом только поют и поют. Я, например,

Он родился 70 лет назад в цирковой семье, учился на юриста, но увлечение театром пересилило все остальное. В постановках Георгия Товстоногова на сцене ленинградского БДТ Юрский сыграл свои самые знаменитые театральные роли. Однако настоящая слава пришла к нему благодаря кино. Картины «Человек из ниоткуда», «Время, вперед!», «Золотой теленок», «Король-олень», «Место встречи изменить нельзя», «Ищите женщину», «Любовь и голуби» закрепили за ним репутацию яркого киноактера. Кроме того, Юрский известен как автор книг «Кто держит паузу», «В безвременье», «Жест», «Содержимое ящика»... Один из своих новых спектаклей-монологов «Домашние радости» актер создал на основе собственных текстов, которые собраны в его одноименной книге.

Сергей ЮРСКИЙ: МЕНЯ СПАСАЕТ ИРОНИЯ

- Сергей Юрьевич, в ваших «Домашних радостях» нередко встречается ненормативная лексика. Как вы себя чувствуете, когда произносите со сцены непечатные слова?

- Я себя чувствую «в характере», в образе. Для меня «Домашние радости» - это свободный разговор со зрителем, где есть вступление, комментарии и собственно актерская игра. Грубость или матерщина в жизни для меня не просто омерзительны, я считаю их крайне опасными. Они нарушают равновесие человеческого существования. Но вообще речь изменилась, и без некоторых слов современный человек не обходится. Как, допустим, мой персонаж в пьесе чешского драматурга Павла Когоута «Нули» в постановке МХАТа не может обходиться без грубости. Что тут скажешь - таков изображаемый автором социальный слой. Эта проблема требует серьезного анализа и отдельного разговора.

- Ваш дебют в большом кино в качестве режиссера-постановщика - психологический триллер «Чернов/Чернов», снятый в 1990 году по вашей же повести, получил главный приз сочинского «Кинотавра-91». Почему вы больше не снимаете?

- В прошлом году я поста-

вил по собственному рассказу комедию «Случай с доктором Лекриным», которую уже показал телеканал «Культура». Я удивился, что опять испытал забытое удовольствие от работы с изображением, монтажом, музыкой - всем тем, что в сочетании и составляет кинематограф. Но еще раз убедился, как сильно изменились времена. Сейчас в кино нужно иметь собственную структуру, свое дело. Я с этим опоздал. У меня даже нет своей театральной труппы: с большим трудом собираю на спектакли нужных мне по замыслу актеров. Все почему-то очень заняты, о каждом движении нужно отдельно договариваться и, само собой, оплачивать. У меня на всю эту суету нет ни времени, ни сил. И вообще, мне кажется, что мировое кино сейчас находится в маразме. А русский кинематограф потерял то, что всегда имел - профессионализм высочайшего уровня. Особенно это касается сценаристов.

- В связи со скандальными событиями последних лет на подмостках российской эстрады в народе широко обсуждается тема «талант и вседозволенность». Что вы думаете по этому поводу?

- Полагаю, что известный человек волен быть каким угодно. Это останется на его

ли: кто талант, тот всегда и подлец, то теперь формулу перевернули: кто подлец, тот всегда и талант. Это опасное заблуждение становится девизом для молодых людей. В мое время в богемной среде в моде было пьянство, поскольку многие великие актеры крепко выпивали, и молодым казалось, что именно с пьянства надо начинать. Однажды к Николаю Константиновичу Симонову, который, как известно, был равнодушен к чарке, на твердых ногах подошел «побрататься» один начинающий актер. Симонов его справедливо урезонил хлесткой фразой: «Не по таланту пьешь!»

Уверен, что талант - это всего лишь инструмент. Как молоток, например. А куда этот молоток прибьет гвоздь, и что на этот гвоздь повесят - это совершенно другой разговор. У тебя, может, и талант есть, но ты не ты доску и не туда прибил. И все это пойдет только во зло. А зло от таланта намного опаснее, чем зло, совершенное бездарностью.

- Вы так глубоко погружены в классику, а современность вам интересна?

- Конечно. Но слишком многое из того, что меня сегодня окружает, к сожалению, мне чуждо. Например,

нас причинам разорвать себя на куски с целью лишить жизни других людей, случайно оказавшихся рядом. Ссылаясь на Бога - Аллаха, Будду, Иисуса, - люди совершают несправедливые поступки, от которых на земле происходят перемены отнюдь не в лучшую сторону.

Все это мне и чуждо, и страшно, и - не могу не признаться - интересно. Так же, как нас завлекают фильмы, наполненные кровью. «Ах, как надоели эти кровавые зрелища. Сколько можно?» - говорим мы часто, но нельзя не признать, что они нас буквально гипнотизируют. Хотя я с трудом досмотрел фильм Квентина Тарантино «Убить Билла-2». По-моему, это мешанский, пошлый и сусальный фильм, который почему-то выдают за эталон мирового кинематографа. Вся его ценность в обилии сцен жестокости. К сожалению, зрители приучены к насилию. Мир наркотизирован насилием в искусстве. Оно в таких количествах загнано в нас, что без него мы уже ни читать, ни смотреть ничего не можем. Это очень серьезная и страшная проблема.

- А вы для себя какую тактику борьбы выбрали?

- Единственным спасением для меня сейчас остается

- Она потрясает своим обилием. В прошлом году я был председателем жюри конкурса драматургов «Действующие лица», в котором участвовали пьесы, написанные за год. Нам пришлось прочесть их совершенно несусветное количество - 500 штук. Но выбрать хотя бы пять приличных оказалось делом трудным. Уровень крайне низок.

В одной газете встретил интервью с двумя «великими драматургами», которые «завоевали мир и перевели на все языки». Это братья Пресняковы. Я видел в постановке Кирилла Серебрянникова их пьесу «Терроризм». Мне это, прямо скажу, чуждо и как зрителю просто не интересно. Это развлечение для маргиналов, их в нашем обществе сегодня немало. Однако мне представляется, что драматургия - жанр более демократический, чем маргинальные развлечения для узкого круга «любителей». Вообще, молодая драматургия стала появляться как грибы в неспокойные годы. Когда их слишком много, то народ говорит: это не к добру. У меня такое ощущение и по поводу наших телевизионных сериалов и количества юных музыкантов.

потратил четыре года на уговоры, чтобы перевести на кассеты уже сделанного и отснятого 8-серийного «Евгения Онегина». Издал с дикой натугой. С Олей Кулешовой мы выпустили работу под названием «Концерт для четырех голосов». Это занятный подбор на двух компакт-дисках произведений Маяковского, Есенина, Мандельштама и Пастернака.

Также у меня был разговор с людьми из возрождающейся звукозаписывающей фирмы «Мелодия». К моему великому изумлению, они сумели сохранить за собой на бывшей улице Станкевича (ныне Вознесенский переулок) студию в верхних этажах кирпичной, которая теперь возвращена церкви. Я вижу, как слово начинает приподниматься. Это вселяет надежду.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ